

9. Там же.
 10. Там же. С. 703.
 11. Там же. С. 705.
 12. Там же.
 13. Там же.
 14. Там же.
 15. Там же. С. 705–706.
 16. Там же. С. 706.
 17. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 8.
 18. Там же. С. 42.
 19. Там же.
 20. Там же.
 21. Там же.
 22. Там же.
 23. Там же. С. 43.
 24. Там же.
 25. Там же. С. 43–44.
 26. Там же. С. 44.
 27. Там же.
 28. Там же.
 29. Там же.
 30. Там же.
 31. Там же. С. 44–45.
 32. Там же. С. 8.
 33. Там же. С. 7–8.
-

Дмитрий Колесов

ПСИХОЛОГИЯ «НАДО!» И «НАДО БЫ...» И ПРИРОДА СОМНЕНИЯ

Желание не ведает
сомнений

Воспользуемся персонификацией основных компонентов потребностного цикла. Итак, желание не ведает сомнений. Оно лишь настаивает: «Поскорей бы!» И это правильно: возникнув (актуализировавшись), потребность должна быть удовлетворена без промедления: иначе в некоторых ситуациях и не выжить. Так что *желание – это главный ускоритель наших действий*, наряду с эмоциями, которые к нему присоединяются по их ходу.

Воля ни в чем не
сомневается

Воля тоже ни в чем не сомневается, и это тоже правильно: ей прикажут – она выполнит. И никакой самодеятельности. «Сомневающаяся» воля – это, собствен-

но, уже не воля, а мнительность – в наиболее тяжелом ее варианте.

Цель – после того, как она определилась полностью, тоже не должна ни в чем сомневаться, но – с одним условием: не сомневаться, если не поступало новой информации. Ведь одно дело – сомнения, имеющие характер объективации и служащие успешному продолжению дела, другое – сомнения на основании уже использованной информации, когда индивид мысленно вновь и вновь возвращается к тому же самому и тем ставит под сомнение характер/содержание цели. Так что цель тоже не должна «сомневаться»: иначе индивиду ее не достигнуть.

Сомнение не в действиях, а в условиях

Следовательно, сомнения по ходу действий должны быть ориентированы не на сам их факт и содержание, а на текущие условия. И если лишь объективная реальность – по совокупности таких условий (факторов) – полностью исключает возможность достижения цели, то вполне естественно возникает вопрос-сомнение в ее изначальной реалистичности. Здесь-то индивиду и может придти в голову мысль-утверждение: «Зря я это дело затеял!», «Зачем я за это взялся!» Но не в том смысле, что *это* ему уже не нужно, или нежелательно (иначе бы он и не взялся), а в том, что путь оказался слишком трудным и мера затрат по достижению потребного результата грозит превзойти меру его ценности и привлекательности.

Нравственность должна сомневаться, все оценивая

Нравственность, напротив, постоянно должна сомневаться и все оценивать: «Хорошо ли это?», «Допустимо ли это?», «Нет ли в этом греха?» Не случайно сфера нравственности имеет прямое отношение к оценочной функции психики, но оценивает все не с прагматической точки зрения, а в плане допустимого и должного. Этим она отличается от мотивации, оценочная функция которой всегда ориентирована на (прагматический) результат. Без нравственной коррекции мотивация может завести индивида в дебри греха: ведь грех – это всегда некая «выгода». Грех ситуационно-практичен, но близорук: то, что может манить индивида сиюминутно, может оказаться для него безнадежно убыточным или даже разрушительным с течением времени.

Мотивация – главный «сомневающийся» компонент потребностного цикла

Наконец, мотивация – главный «сомневающийся» компонент потребностного цикла. Во-первых, над мотивацией довлеет доминанта прагматичности, во-вторых, мотивация сама по себе не содержит нравственных ограничений. В-третьих, мотивация в полной мере владеет функцией различных сопоставлений. Учи-

тывая двойственность природы всего сущего, мотивация постоянно «сомневается» и ставит вопросы:

- сейчас или (лучше) позже?
- так или, может быть, иначе?
- а стоит ли вообще?
- а как лучше?
- да или нет?
- к чему?
- получится или не получится?
- зачем?
- откуда?
- а что потом?
- да и нужно ли это мне сейчас?..

Мотивация владеет
знаком вопроса

С учетом этого можно сказать, что если желание и эмоции «приватизировали» в речи знак восклицательный, то мотивация больше владеет знаком вопроса. Если желание полностью ориентировано на потребность и «смотрит» на окружающее только ее «глазами», то мотивация внимательна к окружающему миру: все доступное восприятию взвешивает, учитывает и соотносит с характером желания. Для желания время значимо только в масштабах конкретного потребностного цикла: как только потребный результат достигнут – желание угасает. Мотивация же ориентирована в более дальнее будущее и вовсе не обязана снижать свою интенсивность после удовлетворения желания. Мотивация – это фактор внеситуационности наших действий, и в этом плане она помогает конкретному желанию, с его нетерпеливостью.

Желание и
мотивация

Желание максимально приближено к природе человека, а она неизменна. Мотивация же привязана к условиям удовлетворения желаний (потребностей), и естественно, что *по мере развития человечества сфера мотивации расширяется и усложняется*. При этом мотивация и желание взаимодействуют как два самостоятельных компонента потребностного цикла, ориентированных на достижение потребного результата. Для желания главное – сам этот результат как таковой, да поскорее. Для мотивации же – то, как успешнее его достигнуть, с учетом всей доступной индивиду информации об условиях достижения.

Мотивация
формирует
критичность

Благодаря мотивации (и сознанию как ее фактору) формируется важное свойство индивида – критичность. Сфера желаний критичностью не обладает, и это тоже правильно: *природа существа должна «отстаивать» себя в любых условиях, и отсюда – внеситуационная настоятельность желаний*. Мо-

тивация же помогает делать это уместнее, гибче, рациональнее – успешнее, в том числе и путем выведения того или иного желания за пределы наличной ситуации и актуального потребностного цикла. Кроме того (см. ниже), мотивация способна опираться на всю совокупность (иерархию) потребностей – желаний, тогда как каждое конкретное желание «думает» только о себе.

Природа «Зачем?»

Простой пример: слово «Зачем?». Если бы такой вопрос возник в сфере желаний, то это значило бы сомнение индивида в своем праве на существование: это ведь был бы вопрос, обращенный к своей собственной природе, в том числе и вопрос о смысле жизни. Вопрос же «Зачем?» в сфере мотивации – это вопрос о том, для чего то или иное предполагается сделать, чему то или иное могло бы послужить. Действительно, вопрос «Зачем я этого хочу?» – сам по себе нелеп. Но если перевести его в сферу мотивации и тем снять его нелепость («Зачем мне это надо?», «Стоит ли мне заниматься такой ерундой?»), он становится вполне прагматичным и оправданным.

Природы человека мотивационное «Зачем?» никак не затрагивает, разве что косвенно, служа лишь большей успешности его действий, а значит, и удовлетворению желаний. Но здесь еще один любопытный аспект: это же слово, но с восклицательным знаком «Зачем!». Это уже укор (а не вопрос-совет) и, следовательно, компетенция нравственности. Поэтому слово «Зачем» может принадлежать как сфере нравственности (и тогда оно с восклицательным знаком), так и сфере мотивации (и тогда оно со знаком вопроса). В качестве укора (!) это слово обращено к личности адресата, а со знаком вопроса – к рациональности его действий.

Желание
и разочарование

И желание, и мотив формируются на базе одной и той же потребности, вследствие преобразования одного и того же потребностного возбуждения. И в этом случае они поддерживают друг друга. Но порою желание сочетается с мотивом, относящимся к сфере другой потребности, и тогда они смогут расходиться (в сложных ситуациях). Здесь индивид должен «определиться», чему следовать.

Привлекательность и желаемого, и самого желания (предвкушение удовольствия) оказывает на индивида «магическое» действие: «очаровывает» его. Именно по этой причине неудача в удовлетворении желания вызывает именно разочарование! Нереализованность же мотива воспринимается относительно спокойно, поскольку

ку в пределах одной и той же потребности может быть намного больше мотивов, чем желаний.

Любой мотив может довольно легко замещаться (заменяться) другим – более «удачным», но замещаться желанию другим желанием много труднее: сначала должно быть удовлетворено оно, а уже после этого «имеет право» возникнуть другое. Если что-либо, относящееся к желанию, и расценивается индивидом как неудачное, то это – побуждение: ведь побуждение является производным и от желания, и от мотива, и от цели, и должно к тому же проходить «фильтр» нравственности – на предмет его допустимости. Поэтому «неудачность» побуждения связана или с нерациональностью мотива, или с упущением нравственности, а желание дает ему лишь энергию и вектор.

Неудачность побуждения может быть как непосредственно-прагматической, так и опосредованно-нравственной (через ухудшение взаимоотношений с другими индивидами). И когда индивид говорит: «Зря я за это дело взялся», то относится это именно к побуждению, которое не было «надоумлено» мотивацией, «не предусмотревшей» всех трудностей дела или неблагоприятности его последствий.

Мотивация – сфера
избирательного
торможения

Желание может становиться порывом, инициируя неудержимое побуждение, но мотив порывом стать не способен: это – основание действий в конкретной обстановке (ситуации) с максимально полным учетом всех ее особенностей. И если подойти к этому с точки зрения соотношения возбуждения и торможения, то желание – это олицетворение возбуждения, а мотивация – сфера избирательного торможения, причем *психическим эквивалентом торможения здесь является сомнение:* ведь именно наше сомнение в чем-либо способно удержать нас от действий в направлении этого «чего-либо».

Если мотивация обладает достаточной силой (энергией), то она выступает в роли фактора объективации желания – «вписания» его в конкретную обстановку, причем она еще и обязана «заглядывать» в будущее (см. ниже). Но если энергетика мотивации слаба, то поведение индивида полностью подчиняется желанию: становится кататимным – в сознании его в этот момент не находится ничего, что как-то противостояло бы желанию. Это – полная подчиненность (поведения) индивида своему желанию, проявление страсти: никакая страсть (или страстность как черта индивида) ни мотивацией в целом, ни тем или иным

«И хочется и колется»

мотивом порождена быть не может, зато желанием – в полной мере.

Для реализации интенсивного желания волевого подкрепления не требуется: энергетически такое желание самодостаточно и лишь изредка нуждается в волевом подкреплении – в случаях, если при его реализации возникает психический «порог». Этому соответствует выражение «Хочется, но не решаюсь!». Или поговорка «И хочется и колется!». Но они же говорят о том, что желание не было очень сильным – неудержимым – и не подчинило себе мотивацию. Очевидно, что в обоих этих выражениях желание критике не подлежит: индивид от него не отказывается. Но разум ему подсказывает, что «сейчас надо воздержаться» и не забывать о других своих же, но более важных желаниях, удовлетворению которых действия в соответствии с данным желанием могут причинить ущерб.

Осмотрительность мотива и порыв желаний

Итак, *мотив – это ситуационно конкретизированное и наполненное информацией потребностное возбуждение, а желание – гедонически наполненное потребностное возбуждение, имеющее вектор – в направлении объекта потребности.* Поэтому для реализации желания необходима лишь объективная возможность соответствующих действий, а для реализации мотива нередко необходимо еще и подключение механизма воли. И не случайно качества индивида, связанные с мотивацией и с возникновением желаний, – различны. Для мотива это – осмотрительность, осторожность, взвешенность... Для желания – нетерпение, порыв, «горение».

В подтверждение различий желания и мотива еще одно существенное соображение: желание как психическое явление и в ходе эволюции, и в ходе онтогенеза возникает раньше, чем мотив. Известно, что желания ребенка не только настоятельны, но и не зависимы от обстановки: только постепенно он приучается просить желаемое не безусловно, а лишь в некоторых ситуациях. И это именно благодаря тому, что у него постепенно развиваются механизмы мотивации. К тому же, мотивация требует сознания, а оно формируется к полутора–двум годам.

Мотивация требует сознания

Очевидно, что маленький ребенок, еще не способный к осознанным (зрелым) мотивам, целям, смыслообразованию, может иметь немалое число желаний, причем многие из них столь же настоятельны, сколь и случайны: увидел предмет – и захотел его (взять в руки). Так что *предмет может быть «мотивом» действий только через желание, которое он пробуждает, и*

через формирующееся на его основании побуждение: схватить! И это именно побуждение (на основании желания), а не мотив, как порою считают.

Сила желания

То, как интенсивное (страстное) желание подавляет мотивацию или «обходит» ее, хорошо видно на примере наркотической зависимости. К примеру, индивид решил прекратить прием наркотика и некоторое время воздерживается – в условиях, когда его в наличии нет. Силы его установки на воздержание хватает на то, чтобы удержаться от поисков и добывания наркотика, но, как правило, не хватает для воздержания, когда наркотик находится в его распоряжении. Здесь непосредственное побуждение принять и желание ощущать действие наркотика перебивают любые соображения – мотивы отказа. Нередко подобный индивид полуосознаваемо знает или даже убежден в том, что как только наркотик станет для него вновь доступным, он против его «очарования» не устоит, как бы он ни уверял себя и окружающих, что его отношение к наркотику отныне – «отрицательное». Это, кстати, является основанием специфической лживости наркоманов, причем лгут они и самим себе. И это своеобразное проявление мотивировки: она может быть обращена не только к другим индивидам, но и к самому себе!

Индивид может иметь множество мотивов отказа от наркотика и может привести другим развернутую систему доводов – доказательств вредности, губельности, неприемлемости наркотиков. Но все они – во всей их совокупности – оказываются бессильными против непосредственного побуждения, возникшего на основании затаившегося в психике желания. Так может быть и в другом: встретив объект своего давнего желания, казалось бы, уже угасшего, индивид порою не может «устоять» перед ним. Здесь же вспомним эстрадный номер из репертуара Аркадия Райкина: лекция о вреде алкоголя. Лектор преподносит слушателям множество доводов в пользу воздержания, но сквозь них все время проступает готовность его самого «принять», как только представится возможность.

Различение желания и мотивов

Считать желание мотивом (действий индивида) нелепо: огромное количество психологически значимых фактов прямо свидетельствует против этого: эволюционные, онтогенетические, оценочные, прогностические, а также и природа сомнения (см. ниже). Некоторые наиболее демонстративные различия между желанием и мотивом представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительные характеристики сферы желаний
и мотивации

№	Модус	Желания	Мотивы
1	Потребностное возбуждение, как энергетическая база	++	+
2	Ориентация на конкретный объект	+	+
3	Ориентация на совокупность – иерархию потребностей	–	++
4	Ориентация на актуальную потребность	++	+
5	Обязательность учета ситуации	–	++
6	Побудительная сила	++	+
7	Степень самодостаточности	++	+
8	Степень умственного усилия	–	++
9	Необходимость волевого подкрепления	–	++
10	Способность к оценке	–(+)	++
11	Значимость фактора будущего	–	++
12	Значимость фактора сомнения	–	++

Характеристики
сомнения

Посмотрим теперь, что такое сомнение. Вот несколько его характеристик:

- Сомнение – это продукт мотивации, и оно противостоит желанию – в том смысле, что *препятствует формированию побуждения только на основании желания.*
- Сомнение *всегда ориентировано на последствия* (тех или иных действий, ориентируемых желанием) и только через это – на характер самого желания.
- Сомнение – это проявление оценочного потенциала мотивации и нравственности.
- Сомнение – это «знак вопроса, насыщенный эмоциями» (переживаниями), причем *сомнение может быть прагматическим и нравственным.*
- Сомнение – основание критичности (индивида): *критика всегда начинается со знака вопроса!*
- Сомнение – нередко – выражает противоречие между актуальным желанием и внеситуационным мотивом.
- Сомнение – это особая интеллектуализированная эмоция, специфически связанная с мотивацией: содержание сомнению («соединение» концепта со знаком вопроса) дает мотивация, а энергию – эмоциональная сфера.

- Сомнение – проявление функции опережающего отражения в ее осознанном виде; неосознанное значимое сомнение может становиться основанием (фактором) «беспричинной» тревоги.
- Избыточность и недостаточная обоснованность (основательность) сомнений являются содержанием негативной черты личности индивида – мнительности.
- Если желание имеет протяженный (во времени) характер, то значит таковы данная потребность и потребностный цикл. Но дальше его желание не заглядывает. Мотивация же оперирует одновременно множеством потребностных циклов различных потребностей, в том числе и повторными циклами потребности, представляемой желанием, которое ставится под сомнение.

Простой пример: люди в пустыне, запас воды ограничен, а пить хочется все сильнее! Можно ли позволить себе поддаться побуждению полностью удовлетворить свое желание (жажду) сейчас, не думая о том, что будет потом? И конечно же, только воля, ориентированная мотивацией, направленной не только на сиюминутное, но и на то, что будет после этого, позволяет индивидам воздержаться от опасного желания – израсходовать сразу весь запас воды для полного устранения жажды.

- Каждое сомнение соответствует одному вектору смысла, и поэтому к *многоаспектной проблеме, имеющей много таких векторов, может относиться много сомнений.*

Желание настаивает на своем удовлетворении

Итак, мы не имеем оснований сомневаться в том, что желание настаивает на своем удовлетворении – достижении потребного результата – без промедления. Мотивация же задает довольно типичные и характерные вопросы: допустим, мы сделаем «это». – «А потом-то что?» или «А потом-то как (быть)?». *Очевидно, что индивидуальное будущее индивида находится именно в сфере мотивации:* в том числе и потому, что она учитывает всю сферу, иерархию, совокупность потребностей (вместе с их желаниями), тогда как каждое актуальное желание настаивает только на своем собственном – вопреки всему! – удовлетворении.

Сомнение противостоит желанию

Поскольку мыслимая будущая ситуация подкрепляться может только энергией эмоциональной сферы, то именно за счет нее *сомнение обретает способность противостоять желанию:* но не в плане его подавления как такового, а в плане противодействия формированию на его основании неуместного побуждения.

Иными словами, хотя эмоция возникает всегда в русле желания, вовсе не обязательно, чтобы она это желание усиливала: бывает и наоборот.

Если желание очень сильное (вплоть до страстного), никаких сомнений у индивида нет: любое сомнение подавляется этим желанием в самом зародыше и даже не допускается в сферу сознания – место его занимает убеждение «Надо!», или более простодушное – «Хочу!». И соответствующее побуждение. Если же серьезные основания для сомнения есть, а желание не очень интенсивное, то связанное с мотивацией торможение может оказаться сильнее связанного с желанием побуждения, и индивид от действий воздерживается, то есть «тянет время», проявляет нерешительность, «не может собраться с силами» и т.п.

Прагматика
сомнения

- Вопрос: сомнение в чем? *Прагматическое сомнение – в достижимости потребного (желаемого) результата, нравственное сомнение – в соответствии характера предполагаемых действий требованиям нравственности.* В конечном итоге за сомнением всегда стоит некое (предполагаемое) индивидом неудовольствие, ущерб, потеря, но не только сиюминутные, а и те, которые могут быть впоследствии.

Сомнение обращено
в будущее

- Сомнение всегда обращено в будущее: в элементарном масштабе – в пределах (и по ходу) конкретного потребностного цикла, в большем масштабе – в пределах актуального будущего, которое у каждого индивида имеет свою меру. Один смотрит только в «завтра», другой – и в «послезавтра», третий – даже на перспективу, а четвертый – «живет одним днем» и, видимо, менее всех прочих склонен к сомнениям. В аспекте типологии отношения к жизни – это, видимо, гедонический его тип.

Сомнение –
опережающее
отражение

- Сила сомнения определяется энергией эмоций, вовлекаемых в достижение потребного результата. *Сомнение – это опережающее отражение (и переживание) вероятности неуспеха, неудачи, ущерба.*

Здесь имеет место феномен *возвратной психической проекции*: сначала индивид оценивает вероятность достижения потребного результата как низкую, а затем эта оценка «возвращается» к тому этапу мотивации, где формируется цель и определяется характер возможных действий, что и блокирует намеченный поначалу их характер путем энергетически насыщенного содержания сомнения. В результате сомнение начинает играть роль порога, через который индивид «не может переступить».

Различение «Надо!»
и «Надо бы...»

Посмотрим теперь различия в психическом содержании двух выражений, вынесенных в название этой статьи (табл. 2).

Таблица 2

**Психическое содержание ситуаций «Надо!»
и «Надо бы...»**

№	Модус	«Надо!»	«Надо бы...»
1	Ведущее психическое содержание	Побуждение к достижению желаемого	Размышления о желаемом
2	Значимость препятствий	Низкая	Высокая
3	Готовность к преодолению препятствий	Высокая	Неопределенная
4	Мотив	Четкий	Четкий
5	Желание	Интенсивное	Не очень
6	Необходимость волевого подкрепления	Нет	Есть
7	Сомнения	Отсутствуют	Присутствуют
8	Ведущая эмоция	Уверенность	Нерешительность
9	Вероятность реализации	Высокая	Скорее низкая

Дадим несколько комментариев к этой таблице.

- «Вероятность реализации» (п. 9). Имеется в виду только то, что зависит от собственных усилий индивида, а не от наличия или отсутствия объективных препятствий к этому в окружающем мире.
- «Сомнения» (п. 7). Имеется в виду, что сомнения преодолены, или вообще не возникали, а наличие сомнений в данном случае – свидетельство того, что это значимые сомнения и индивид не смог их преодолеть. Поэтому они сохраняют свою актуальность к моменту, когда надо бы переходить к действиям, и этот переход тормозят.
- «Желание» (п. 5). Когда оно сильное, индивид готов преодолеть любые препятствия, и для этого ему достаточно энергии самого желания. Если желание не очень интенсивное, то и формирующееся на его основании побуждение слабое: для своей реализации оно нуждается в дополнительном усилении, а источником его может являться только воля, особенно если речь идет о чем-либо внеситуационном.
- «Значимость препятствий» (п. 2). Здесь обратные отношения с готовностью к преодолению: при равной

объективной мере препятствия, чем индивид более настроен на его преодоление, тем меньшим (менее значимым, менее существенным) оно ему представляется. А чем настрой его на преодоление препятствий ниже, тем больше склонность индивида заранее его меру преувеличивать.

Сомнение, подозрение, опасение – чувствительность к наличию проблемы

Родственные понятия – сомнение, подозрение, опасение – выражают наличие какой-либо проблемы: что-то индивида беспокоит, что-то не устраивает, что-то вызывает озабоченность. Примером высказываний, констатирующих наличие проблемы, могут служить следующие. Первое: «Хотелось бы, чтобы не только хотелось» (Борис Крутиер). Наличие проблемы здесь очевидно, и характер ее понятен. Второе: «О, если бы молодость знала, о, если бы старость могла!». Здесь проблема заключается в отсутствии нужного. Возвышенная частица «О» в начале высказывания свидетельствует о его значимости, равно как и восклицательный знак в конце. Утверждение реальности (факта) отсутствия (знания и возможности) меняет смысл этого знака на противоположный, так что он констатирует отсутствие (чего-либо) у объекта оценивания. Сомнение при этом в большей мере, чем подозрение и озабоченность, вызывает и нерешительность. *Пока «знак вопроса» не утратит значимости, приступить к действиям индивиду трудно: при том, что характер потребного результата ясен ему полностью.* «Надо бы», «хотелось бы» всегда ведь чего-то вполне определенного, но – на пути к нему есть препятствия, репрезентируемые сомнением.

Решительность без сомнений

Чем сомнений у индивида меньше, тем он решительнее, то есть выше вероятность того, что к делу он приступит без промедления. При этом важно не путать нерешительность (психическую черту) и медлительность (нейрофизиологическую черту): порой медлительный индивид может быть много более решительным, чем тот, кто быстро и легко «за все хватается», но дела до конца не доводит.

Основную энергию решительность черпает у желания: не случайно *стоит желанию ослабеть, как сомнения вновь начинают «владеть» индивидом.* И связано это не столько с побуждением, сколько с поддержанием энергией желания уже начатых действий, то есть по их ходу: ведь желание поддерживает действия до полного их завершения.

Решительность как черта характера индивида отличается от его способности принимать решения и их качества: содержание решения – дело мотивации, а

решительность как черта личности определяется устойчивостью желаний при высокой их интенсивности, а также и подключением механизма воли. Какие бы хорошие решения ни принимал индивид, но если его желание довести дело до конца или волевая его поддержка иссякнут раньше этого, он оставляет дело на полпути.

Решимость питается энергией желаний

Порою индивид запутывается в логических суждениях, в противоречивости своих мыслей, в буквальном смысле не может из них «выпутаться». И как раз решимость, питающаяся энергией желания, дает ему возможность все же приступить к действиям – с участием дополнительного механизма: повышенной настроенности на учет текущей информации. Ведь бывают такие ситуации, где самое неосторожное действие может оказаться полезнее самого осторожного бездействия. Это тот самый принцип Наполеона, усвоенный Лениным: «главное – ввязаться в дело, а там – посмотрим». И еще важный момент проявления влияния желания на действия через решительность: способность индивида на «нелогичные» поступки, когда благодаря энергии желания побуждение формируется, несмотря на все хитросплетения ума. Ведь порою индивиду может быть полезнее отбросить их в сторону и действовать на основании интуитивного побуждения.

Осторожность не в бездеятельности

Способна ли мотивация побудить действия с неопределенным результатом? Вряд ли: ведь это нелогично! А мышление (мотивация) предпочитает работать в сфере чистой логики, и сознание поддерживает их в этом. Но если ситуация объективно не позволяет все рассчитать и это порождает сомнения, неуверенность и тревогу, то как найти выход из создавшегося положения? Только начав действовать! И *осторожность индивида проявит себя здесь уже не в том, чтобы воздержаться от действий, а в том, чтобы по их ходу быть особенно внимательным и восприимчивым ко всей возможной текущей информации*: замечать, принимать во внимание, учитывать...

Сомнение, подозрение, опасение – естественные и полезные проявления психической активности индивида. Действенность их в совершенствовании его поведения определяется тем, что они легко наполняются энергией (соответствующих им) эмоций. Но если они становятся внеситуационными и тем самым превращаются в устойчивые черты личности, они оказываются негативными и приносят немало вреда и самому – теперь уже можно сказать – «страдающему» мнительно-

Критичность –
положительная
черта психики

стью, подозрительностью, опасливостью индивиду, и его окружающим. И это – проявление недостаточно развитого психического качества – критичности. Что такое критичность?

Критичность – это положительная черта психики, порождаемая способностью индивида полностью использовать оценочные возможности своего сознания. Это делает оценки реалистичными, объективными, актуальными. При этом:

- реалистичность (индивида) – это связь его оценок с повседневной жизнью, естественным ее течением, без «блуждания мыслию по древу»;
- объективность (индивида) – это соответствие его оценок подлинному содержанию объектов, процессов, явлений окружающего мира;
- актуальность – это связь оценок индивида с текущим моментом, без их запаздывания: индивид должен быть «крепок» не только «задним умом».

Критичность
и самокритичность

В семантическое поле понятия «критичность» входят и такие свойства индивида, как беспристрастность и взвешенность (его оценок), а также самокритичность: индивид должен быть способен оценивать не только окружающее, но и самого себя. Ответственным может быть только самокритичный индивид, который качество своих оценок и действий соотносит со своим «Я» и переживает их. Поэтому критичность – это еще и постоянная готовность индивида формировать отрицательную самооценку – в связи с выявляемыми им недостатками своих действий: запаздыванием, торопливостью, слабостью оснований... И делать выводы на будущее. *Самокритичный индивид не уходит от негативных самооценок, а, напротив, способен оборачивать их себе на пользу.*

Критичность индивида – это и его способность вовремя замечать, что «чистая» (формальная) логика ведет его в тупик, не позволяя разрешить возникшую ситуацию. Главное свойство жизни – непрерывность: она не может останавливаться, поскольку любая остановка ее течения – это смерть (индивида). Следовательно, *в случае возникновения логического тупика он должен быть способен выйти за пределы ситуации неразрешимого противоречия: как бы отодвинуть его в сторону, «вынести за скобки», снизить его значимость, избирая путь и способы (дальнейших) действий на других основаниях.*

Критичность –
способность замечать
несоответствия

Отслеживая ход своего мышления (а это возможно только в сознании), критичный индивид способен вовремя замечать несоответствия требований «чистой» логики требованиям наличной ситуации и предпринимать пусть и логически не обоснованные, но необходимые по ситуации действия. При совершенно одинаковых предпосылках различных действий возникает логический тупик, и некритично, но строго логично мыслящий индивид начинает рассуждать: «Почему я должен действовать так, если у меня такие же основания действовать иначе?» И наоборот... Критичный же индивид, способный в соответствующих ситуациях мыслить и действовать вполне логично, способен в случае необходимости и на «нелогичные» и поэтому неожиданные для окружающих решения и действия, но «спасающие ситуацию». *Многие решения талантливых полководцев или государственных деятелей связаны именно с выходом их мысли за пределы «чистой» логики.* Действительно, «необходимость выше логики». Следовательно, способность индивида к «нелогичным», но нередко спасительным поступкам может определяться не только умением прислушиваться к своим спонтанным побуждениям, но и критичностью его ума, гибкостью оценочной функции.

Из любой жизненной ситуации тот или иной выход есть всегда, но не всегда его можно найти путем строго логичных суждений. Критичность мышления порою в том и состоит, чтобы вовремя уловить момент, когда надо отказаться от «чистой» (строгой, линейной, формальной, не терпящей противоречий) логики. Напротив, *стремление индивида логически обосновать любой свой выбор, порою делает невозможным его осуществление.*

Спонтанность
желания и
рассудительность
мотива

Мы уже говорили, что желание не требует обоснований: оно (желание) или есть, или его нет. И окружающие никогда не задают индивиду, казалось бы, логичного вопроса «почему ты этого захотел?!». Но когда речь идет о мотиве поступка, этот вопрос задают часто и не без оснований – «для чего ты это сделал?». Помимо многих других различий желания и мотива как факторов поведения здесь проявляется и то различие между ними, что *мотив – это результат наших рассуждений, а желание возникает без них спонтанно.* В случаях внешних источников потребности инициативы для этого может быть достаточным появление в поле зрения привлекательно-го объекта.

Критичность
и достоверность
восприятия
информации

Некритичный и вместе с тем строго логически мыслящий индивид доверчив, поскольку следит лишь за логикой представляемой ему (а порою и навязываемой) информации. Если она непротиворечива, он может воспринять информацию как достоверную. Критичный же индивид при восприятии той же самой информации выходит за ее пределы и рассуждает примерно так: «Известно, что информация – самый дорогой в мире товар. А здесь мне ее предлагают бесплатно, да еще и навязчиво. Значит, им нужно, чтобы я ее воспринял. Но должен ли я заботиться об их нуждах, когда у меня немало и своих?»

Глупость «чистой»
логики

И еще пример глупости «чистой» логики: обращенный к ребенку вопрос взрослого «Кого ты любишь больше – папу или маму?». Дело в том, что *здесь нет и не может быть выбора*: родители одинаково значимы для ребенка. А раз нет ситуации выбора, то нет и оснований для предпочтения и сравнительных оценок. Кроме того, даже чисто логически допустимы не только альтернатива («или–или»), но и совместность («и–и»), и надо иметь серьезные основания для того, чтобы предпочесть одно другому. Так что не ситуация должна подчиняться логике наших мыслей, а, наоборот, наше мышление должно идти в русле ситуации, иначе мы в ней сможем различить только то, чего ожидаем заранее – тем самым впадая в предвзятость.

Критичность
и объективность

Критичность мышления индивида проявляется также его способностью и стремлением абстрактное оценивать в свете конкретного – наличного, а его – в свете абстрактного. Возможность сопоставления актуально воспринимаемого с воспринятым ранее, сопоставления находящегося перед ним с хранящейся в памяти информацией об отдаленном и недоступном непосредственному восприятию, а также и с тем, чего он не воспринял сам, а услышал от других или прочитал в книге, создает огромный информационный ресурс, позволяющий критичному индивиду всесторонне рассматривать, сопоставлять, сравнивать объекты оценивания. Объективной является та оценка, при выработке которой мы используем максимум доступной нам информации. Чем больше источников информации, тем полноценнее может быть оценка, если, конечно, индивид не «закрывает глаза» на некоторую часть информации и не отрывается от реальности.

Критичность мышления индивида как раз и происходит из множественности источников информации: у него появляется возможность сопоставлять «все со всем» и делать не «узкие», а «широкие» выводы. Но при обязательном учете и сопоставлении значимости

Критичность и информированность

каждого источника информации и ее достоверности: ведь *сравнивая «все со всем» рядоположенно можно и вовсе запутаться*. Так что объем и разнообразие получаемой индивидом информации важны главным образом тем, что возрастает возможность не упустить чего-либо значимого.

Главной особенностью сознания является максимально возможная для индивида информированность его сферы – из самых различных источников. Здесь и содержание внутреннего мира, и актуально воспринимаемая информация из окружающего мира, и информация из внутренней среды организма (самочувствие), и информация из потребностно-мотивационной сферы (желания и побуждения). При этом *критичный индивид обладает способностью оценивать свои сомнения, подозрения, опасения: именно это и не дает им перерасти в устойчивые черты личности*. Оценка становится тормозом к этому, и благодаря ей критичный индивид владеет (овладевает) своими сомнениями, подозрениями, опасениями, а не они – им: они не становятся доминантами его психики, не могут подчинить себе его отношение к окружающему и поведение.

Указанные четыре канала информирования сознания индивида должны функционировать независимо один от другого, иначе оно будет лишено способности вырабатывать критичные оценки. Действительно, если индивид оценивает все только в свете своих желаний, не учитывая реальных черт объектов, процессов, явлений, или же содержанием памяти отдает предпочтение перед актуально воспринимаемым (то есть проявляет консерватизм), или, напротив, учитывает только информацию из внешнего мира, не обращаясь к уже имеющемуся в его памяти (то есть не использует предыдущий опыт), его оценки не будут качественными: в них будет недоставать или реалистичности, или объективности, или актуальности, вместе и по отдельности. И тем больше на характере его действий будут сказываться случайные побуждения и обстоятельства.

Критичность и качество выбора

Критичный индивид более качественно осуществляет и выбор, чем некритичный. *Выбранное – это то, с чем мы продолжаем оперировать, отвлекаясь от прочего*. Иногда невыбранное мысленно мы как бы отбрасываем, оставляя в поле зрения только выбранное. Иногда же поступаем наоборот: как бы оставляем на прежнем месте невыбранное, а выбранное «уводим» в сторону и там с ним оперируем.

Выбор – это перенос нашего внимания и наших действий на один из объектов из некоторого их количества: сначала внимание «проходит» по всем наличным объектам, а затем останавливается на одном из них, если только мы не посчитаем, что остановились на нем по ошибке. При этом *важно уметь дифференцировать сомнения и определять их значимость*: какое сомнение лучше просто отбросить, а какому уделить особое внимание. Ведь число сомнений, как мы уже говорили, соответствует числу векторов смысла данного объекта или данной ситуации, и поэтому в пределах каждого из них может быть немало сомнений. Понятно, насколько важно уметь оценивать относительную значимость любого из их числа.

Критичность
и ответственность

Критичность индивида – это еще и способность его доводить мысль до конца: важно уметь думать не только о ближайших, но и об отдаленных последствиях своих оценок и своих действий, о последствиях не только для себя, но и для других. Обычно *в своих действиях индивид исходит в первую очередь из своих желаний, но важно, чтобы он исходил не только из них*. Ему необходима ответственность: способность предвидеть последствия своих действий, результаты осуществления своих желаний и реализации своих побуждений.

Ответственность – это способность индивида к опережающему мышлению и опережающему переживанию: образ мыслимого (предполагаемого) будущего как бы накладывается на образ желания и делает последнее более взвешенным. Именно способность «мыслить вперед» позволяет индивиду «обуздывать» свои желания, а это жизненно важно. Предвидение, опережающее мышление, опережающее переживание – это свойства индивида, возможные только благодаря наличию у него сознания.

Критика
и критичность

Критика же (в отличие от критичности) – это речевое действие, выражающее несогласие индивида с чем-либо или неодобрение им чего-либо. Последнее содержит в себе и нравственный момент: оценка черт действия не только с точки зрения его эффективности, но и с точки зрения «вписания» его в контекст взаимоотношений с другими. Ведь любая успешная афера – это хорошо продуманное действие. Поэтому мышление (индивида) не должно останавливаться только на уровне самого по себе действия, а должно учитывать, как его результаты сочетаются с жизненными интересами других. Следовательно, *безнравственный индивид не критичен нравственно*: у него нет соответствующих критериев при оценках и собственных решений, и ха-

рактера своих действий. Согласимся: глупый или не знающий законов аферист – это скорее комический персонаж.

Способность критиковать и критиканство

Способность критиковать – полезное качество: индивид должен уметь видеть недостатки не только действий окружающих, но и своих действий, а также конечный результат тех или иных общественных процессов. Но и здесь важна мера: критика не должна превращаться в *критиканство – тенденцию и стремление все критиковать независимо от сути дела*. Тот, кто склонен к чрезмерной и неоправданной критике, – критикан: так можно назвать индивида, для которого все окружающие и все окружающее под знаком вопроса.

Критикан не скрывает от окружающих, и более того, настойчиво информирует их о том, что очень многое вызывает у него сомнения, опасения, подозрения. Основанием критиканства может быть или излишняя тревожность, которую индивид не умеет преодолевать какими-либо иными (помимо критики) действиями, или же стремление к самоутверждению. Последнее свойственно индивидам с эгоцентрическим типом отношения к жизни. Поэтому, к примеру, всех правозащитников можно разделить на три категории: честные и порядочные; жулье; эгоцентричные критиканы.

Сомнение и предвзятость

Сомнение, подозрение, опасение – это нормальные разновидности опережающего отражения, прогноз низкой вероятности чего-либо хорошего (полезного, необходимого) или высокой вероятности чего-либо плохого (ненужного, вредного). Если же на основании обобщения и генерализации сомнений, опасений, подозрений в психике у индивида формируются мнительность, опасливость, то это уже – проявления предвзятости восприятия им окружающего, причем с позиций доминанты зла.

Опасение и тревога

Опасение всегда конкретно и ориентировано на источник опасности, а *тревога – это как бы опасение, лишённое своей конкретности, ни к чему не привязанное и потому получающее возможность распространения в психике* (иррадиации содержащего его возбуждения в центральной нервной системе). При этом опасения могут порождать сомнения, и наоборот: сомнения могут вести к опасениям. А порою и то и другое сохраняет свою самостоятельность: индивид испытывает их (переживает) одновременно или поочередно.

Немотивированные поступки не критичны

В случае неустойчивости процессов мотивации и слабости функции их осознания (то есть удержания «в уме» оснований мотива для всестороннего сопостав-

ления со всеми потоками информации, поступающей в сферу сознания) поддерживаемое желанием побуждение может преобразовываться в команду той или иной исполнительной системы путем как бы короткого замыкания. Даже если комплекс «Я» сформирован достаточно хорошо, в период каких-либо перестроек (подростковый возраст, климакс) побуждения проходят мимо него. В результате возникают так называемые немотивированные поступки. При этом *немотивированные поступки – это всегда не критичные поступки*: некое побуждение у индивида возникает без предшествующей предметно-ситуационной конкретизации. И в сознании это побуждение не сопоставляется со всей доступной индивиду информацией и не оценивается в свете ее. Отсюда – неадекватный ситуации поступок индивида: результат потребностного возбуждения, находящегося случайный выход.

Критичность не
всесильна

Вместе с тем надо сказать, что критичность может проявлять себя не во всех аспектах деятельности индивида, а лишь в некоторых. При этом *легче оценивать характер своих действий, чем характер своих желаний*. Порою некое желание подчиняет себе действия индивида, но в поисках способов его удовлетворения он проявляет критичность в полной мере. Выборочность проявления критичности особенно важна в общественной жизни, в деятельности пророков и вождей: когда *абсолютно нереалистичная идея подчиняет себе вполне критичные действия множества индивидов*.

Доминирование
желания над
критичностью

Если индивид пассионарен (обладает огромной энергией, в том числе и энергией желания!), то его *желание может становиться основанием целых общественных течений – путем влияния на других индивидов*. К примеру, весьма умеренный, осторожный, экономный, непритязательный в быту В.И. Ленин был неудержим в своей политической деятельности. В конце позапрошлого века у него возникло некое неудержимое и явно некритичное желание. И вот появился большевизм, а Российская империя прекратила существование. Доминирующее в психике вождя желание было действительно некритичным: не случайно же, его реализация привела к столь удручающим последствиям и для него лично, и для всей страны. Это желание подчинило себе его психику полностью, но зато по ходу реализации этого желания В.И. Ленин постоянно проявлял исключительную гибкость, изворотливость, находчивость, эффективность (действий), что возможно только благодаря критичности (во всех прочих ас-

Превращение
желания в Истину

пектах психической активности). Следовательно, критичность его была парциальной, а доминирующее в его психике масштабное желание подчинило себе «все», включая и различные проявления критичности при реализации этого желания.

Чем индивид менее критичен, тем скорее интенсивное его желание превращается в Истину, которой он начинает служить. По существу, *превращение желания в Истину – это путь влияния желания на интеллектуальную деятельность индивида, способ ее подчинения себе*. В той мере, в которой такое желание подчиняет себе сферу эмоций, оно обращается в веру. В результате содержание желаемого становится для индивида источником веры и в «справедливость» желаемого, и в возможность его достижения. А вера, в свою очередь, позволяет индивиду подавлять нравственные сомнения, если эталоны нравственности сами не стали содержанием веры. В.И. Ленин является типичным примером человека, основанием действий которого было желание, в которое он всю душу поверил. Отсюда – специфический характер его нравственной сферы.

Здесь полезно также вспомнить о том, как И.В. Сталин (в письме к В.М. Молотову в начале 1930 годов, когда власть была уже в его руках) описывал свои сомнения, колебания, неуверенность, неоднократное мысленное возвращение к одному и тому же, прежде чем он в некоем решении утвердился окончательно. И это – человек железной воли. Но *воля ведь и не должна подменять мотивацию*, и поэтому на этапе мотивации индивид имеет право испытывать сомнения прежде, чем в чем-либо утвердиться. А уже потом – действовать непреклонно (см. нашу книгу [1]). И еще одно сравнение: воля у Сталина была более «цепкой», чем у В.И. Ленина, и поэтому более сильной. Но желания И.В. Сталина были менее интенсивными. Поэтому сочетание желаний с его пусть и порывистой волей, делало В.И. Ленина значительно более сильным деятелем, по сравнению с Продолжателем его «дела», не говоря уже о поразительной гибкости, комбинационности, изобретательности. И еще: «по-крупному» В.И. Ленин вообще не ведал сомнений, хотя в быту был опаслив. И.В. Сталин же – наоборот: «опасливым» в повседневной жизни не был, но «по-крупному» был не лишен мнительности и подозрительности: его желания не были столь интенсивными, чтобы их подавлять. Отсюда – серьезный вывод: *даже очень сильная воля неспособна противосто-*

ать сомнениям, тогда как очень сильное желание может преодолеть любое из них.

Мнительность –
повышенная
склонность к
сомнениям

Итак, мнительность – это повышенная склонность индивида к сомнениям. Каков ее нейропсихический механизм? Если умозаключение не получает вовремя гедонической поддержки, то оно не фиксируется как окончательный вывод: процесс различных информационных сопоставлений продолжается в уме индивида и после того, как вся наличная информация им была учтена. В результате индивид постоянно возвращается мыслями все к тому же. Это возвращение (в обе стороны) как раз и есть тот самый знак вопроса, который довлеет над подобным индивидом: ни на чем он не способен остановиться («утвердиться») окончательно – установочно. Это не отменяет возможности объективации – но только в случае появления новой информации. А здесь его мысли все «крутятся» вокруг одного и того же. Восклицательный же знак психологически в таких случаях означает, что индивид в чем-либо, наконец, утвердился и его сомнение исчезло.

Мнительный индивид склонен к производству множества версий наступления (приближения) чего-либо неприятного, в том числе и как результата чего-либо благоприятного, но без детализации черт этого неприятного. К примеру, мнительный может опасаться даже удачи или похвалы («чтобы не сглазили»). Опасаться он может и будущего, поскольку оно «может нести неприятности».

Разновидности
мнительности

С учетом этого можно выделить две разновидности мнительности: *мнительность, в основании которой лежит сомнение (отсутствие определенности)*, и *мнительность, в основании которой лежит ожидание неприятного (доминанта неприятного)*, которое может подчинять себе: индивид может проникнуться убеждением, что будущее (и связанные с ним возможные перемены) несет только зло, причем никаких сомнений в этом у него нет. Это, кстати, еще одно основание консерватизма, помимо того, о котором мы говорили выше (консерватизма, связанного с особенностями памяти). Предельное проявление подобного консерватизма – ретроградство.

Преодоление
мнительности

Лучший способ преодоления мнительности – постоянная занятость индивида конкретными делами. Однако не всегда легко найти дело, результаты которого сразу же положительно говорили бы сами за себя и тем самым не оставляли бы места для сомнений.

То или иное сомнение может сохраняться в психике индивида длительный период, но не всегда занима-

ет его сознание полностью: порою на время уходит из него. Если же сомнение становится доминантой и постоянно занимает поле сознания, причем индивид в уме постоянно движется то в одну, то в другую сторону, это вытесняет из его сознания другие содержания, и это уже – навязчивость. В основании навязчивости лежит устойчивое сомнение индивида в чем-либо плюс неспособность отключаться от него, занимаясь другими делами: мысли индивида все об одном и том же, а связанные с ними негативные эмоции отягощают его психику. Это может иметь место как при некоторых психических заболеваниях и неврозах, так и при таком пограничном с ними состоянии психики, как (интенсивная) ревность.

Порождения
доминанты
сомнения

А какие еще черты характера, кроме мнительности, может порождать сомнение – в случае, если возникает такая доминанта? При этом надо учитывать также и характер эмоционального фона: доминирующее настроение – приподнятое или сниженное. Если настроение индивида надолго снижено, это депрессия. То ли избыток сомнений вводит индивида в состояние депрессии, то ли депрессия ведет ко все новым и новым сомнениям. Рассмотрим схему:

Очевидно, что мнительность и скептицизм – черты характера, тогда как уныние – это психическое состояние. Конечно, если индивид к нему излишне склонен, то и оно может становиться чертой характера, которую можно назвать «унылостью»: безрадостность, подавленность, неспособность проявить интерес к чему-либо или же пробудить его у других индивидов.

Между мнительностью и скептицизмом существенные различия, хотя обе эти черты характера имеют общий источник. Мнительность ближе к тревожности,

тогда как скептицизм – это доминанта сдержанности в оценках, склонности к неодобрению, преобладание негативных прогнозов, неспособность к формированию веры во что-либо. При этом *уныние не дает сформироваться стремлению, а скептицизм – вере.*

1. Колесов Д.В. Иосиф Сталин: право на власть. М., 2000.

